

Рискованная игра

“Евгений Онегин” в агентстве “Богис”

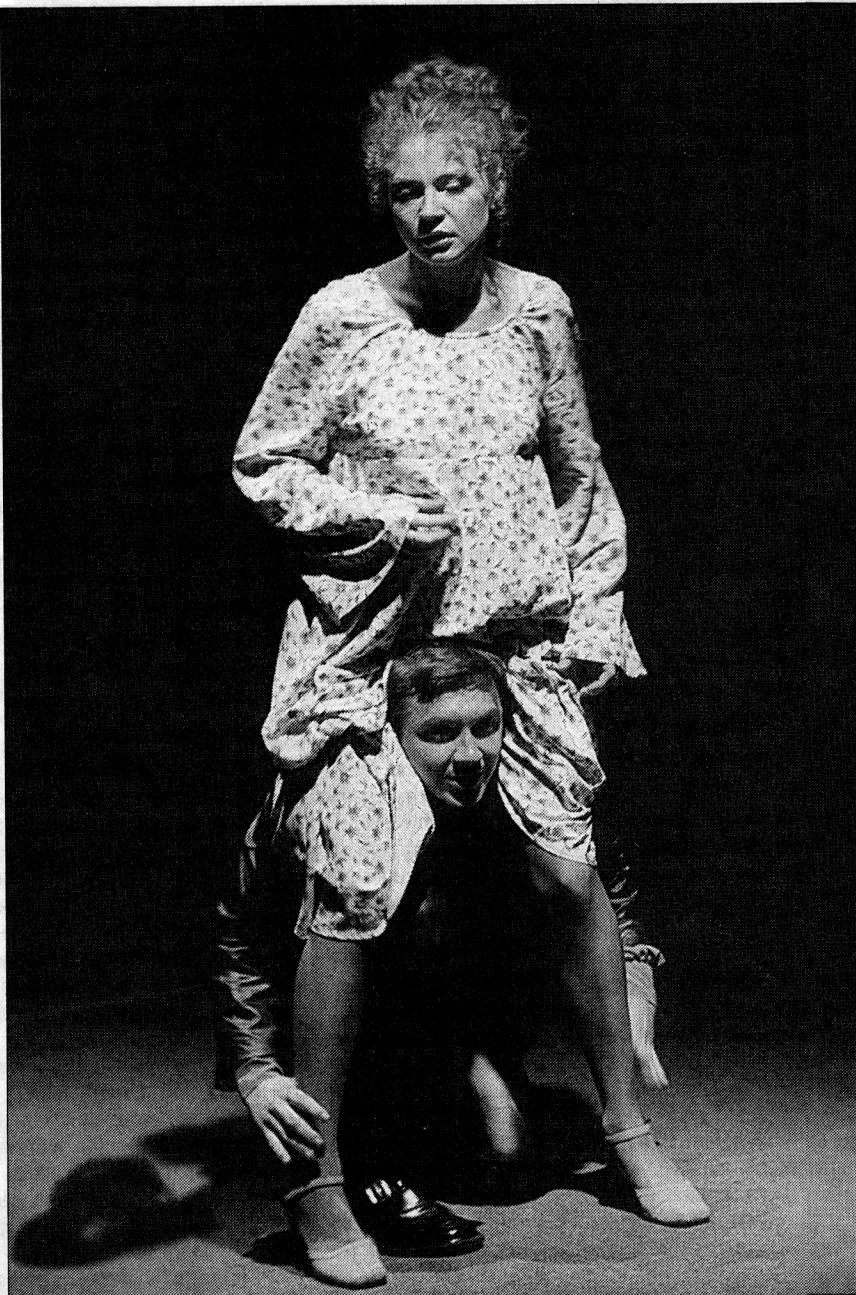
Александр Соколянский
Для Ведомостей

Пушкинский роман в стихах породил несметное количество шуточных подражаний – иногда забавных, иногда глупых и скабрёзных. Кажется, что с ним можно развлекаться на любой манер – автор не остановит расшалившихся остроумцев и не обидится на дураков. Театральные пересмешичники не впервой пускают вдогонку за литературными. Молодой актер и режиссер Михаил Крылов, недавний выпускник Мастерской Петра Фоменко, поставил по “Евгению Онегину” спектакль, который одни назовут озорным, другие – глумливым, третьи – вульгарным: нечто среднее между бурлеском и студенческим капустником.

Премьера спектакля “Евгений Онегин... Пушкин” состоялась в здании Манежа. Трое исполнителей: Михаил Крылов, Галина Кашковская и Александр Кочубей. Минимум декораций: пружинная кровать на колесиках, рулоны пипифакса, веревки и шеренга мощных импортных вентиляторов. От пушкинского текста осталось меньше половины, но сетовать не приходится. Зрелище и так тянется два часа. Для шуточной затеи это, пожалуй, слишком долго, тем более что шутки в большинстве своем предсказуемы.

Спектакль построен на принципе пародийного снижения. Это становится ясно с первым же выходом Крылова – Онегина на сцену. Костюм: поблескивающие брюки в обтяжку, такой же пиджак, косою воротник батника выпущен наружу. Грим: тоненькие черные усики в стиле *taquano mexicano*, удлиненные бачки, прилизанные волосы, наглые глаза. Не то злодей из латиноамериканского сериала, не то кумир подмосковной танцплощадки образца 70-х гг. – тип, в общем, обратный. (Прошу во избежание недоразумений запомнить, что здесь и далее описываются только персонажи, а никоим образом не исполнители ролей.) Возникает тяжелое предчувствие: ох, несдобровать пушкинскому тексту! Предчувствие не обманывает.

Пересказать хотя бы некоторые из крыловских шуток – дело необходимое, но тягостное. В спектакль без малейшего замешательства вставляются предельно плоские и предельно избыточные хохмы. Ну, к примеру: глава 1, Онегин в театре, “...идет меж кресел по ногам, двойной лорнет скосясь наводит

на ложи незнакомых...” – “Дам!” – решительно подхватывает партнерша, превращая сущестительное женского рода в глагол будущего времени. Когда речь идет о пресловутых “ножках” (“...вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног”), она с обиженным видом задирает подол; когда описываются деревенские страдания

Татьяниной матушки (“...рвалась и плакала сначала, с супругом чуть не развелась) – катается по полу в истерической судороге. Сама Татьяна в 3-й главе, дописав свое письмо до слов “...сон тяжелый перерви, увы, заслуженным укором!”, выдерживает паузу и уходит за кулисы. Позвольте, недоумевает зритель, а где же последние четыре строки –

“Кончаю! Страшно перечесть и т. д.”, но тут как раз героиня и возвращается, истощенно вопя: “Кончаю-у-у!”... Опустим завесу целомудрия над финалом этой сцены.

Ну и все остальное в том же духе. Онегинский монолог исполняется рэперским речитативом. Ленский, рассказывая об Ольге, сучит ногами, как жеребец в стойле, и только что не ржет от избытка страсти. Муж Татьяны въезжает в конец 7-й главы верхом на швабре и с деревянной сабелькой в руках: щеки надуты, глаза выпучены, под носом – усы, сделанные из венника. Смешно? Ну-ну.

Первую премьеру сезона проще всего оценить как неумное озорство и полуудачную попытку раздражить “стародумов”. Что поделаешь, человек мечтает о славе, хотя бы и скандальной. Однако все ли так просто? Во-первых, судя по ролям в студенческих спектаклях, родная стихия Михаила Крылова – тонкое лукавство, а вовсе не бурлескная разухабистость. Не забудем, что учился он у режиссера, который считает тяжким грехом неуважение к слову. Что же – бывший ученик пустился в разврат последних упований?

Во-вторых, театралы до сих пор с благодарностью вспоминают проекты Галины Боголюбовой (главы агентства “Богис”), осуществленные в первой половине 90-х гг. В российской театральной антрепризе не было и до сих пор нет спектаклей, сопоставимых по уму и изяществу с ее “N (Нижинским)” и “Башмачкиным”. Боголюбовой может изменить удача, но не вкус. Что-то здесь не так.

Я склонен предположить, что объект крыловских насмешек – не пушкинский роман, а его нынешние читатели. Тогда все встает на места – и сюжет, обглоданный до фабульного костяка (совсем как в американском фильме “Юджин Онеджин”), и уровень юмора, и пристрастие к похабству – как в точном, так и в расширительном смысле слова. Цель спектакля – показать публике, стремительно отвыкающей от книг, то, чего она заслуживает: получите и распишитесь. Ваше ржание над сальностями и ваше преклонение перед “национальным гением”, которого вы читаете, не читая, право же, друг друга стоят. Если так – перед нами рискованная игра: она ожесточает и портит кровно играющим. Но она хотя бы осмысленна.

Если же мои предположения ошибочны и Михаил Крылов впрямь намеревался надсмешить и распотешить публику, я не могу отнести к его задачам с уважением. Но отношусь с завистью к его лошадиному здоровью.